ном, онанирующим в потемках» (с. 49). Момент безопасности, тайны и одновременно торжества объединяет обе номинации. Но если в первой номинации присутствуют эпитеты *мощный, сияющий*, как выражение чувств, испытываемых Гумбертом, то вторая номинация показывает его смирение, приниженность. Номинацию *пятиногое чудовище* тоже можно отнести к эротическим, поскольку определение *пятиногий* означает обладание пятью конечностями, одна из которых фаллос: «Я был *пятиногим чудовищем*, но я любил тебя» (с. 233).

В конце романа, в 32-й главе, Гумберт употребляет номинацию, являющуюся констатацией его несбывшихся надежд на ответное чувство, что выражается в отрицаниях — *не* возлюбленный, *не* мужчина с бесконечным шармом, *не* близкий приятель, *не* человек: «...что я для нее *не возлюбленный, не мужчина с бесконечным шармом, не близкий приятель*, даже вообще *не человек*, а всего только *пара глаз да фаллос длиною в фут* — причем привожу только удобоприводимое» (с. 232). Для Лолиты Гумберт — это всего лишь существо, обладающее парой атрибутов, человек, ограничивающий свободу, вызывающий чувство беспомощности и прочие отрицательные эмоции. Это автономинация, указывающая на то, что Гумберт сам доходит до понимания сложившегося положения. И в этой главе — апогее страдания и любви — он мужественно признает свою несостоятельность, неспособность принести счастье другому человеку.

Итак, образные номинации в романе обусловлены движением сюжета и связаны с оценкой Гумбертом самого себя и характера отношений с Лолитой. Здесь мы видим двойную оценку Гумберта Описываемого Гумбертом Пишущим. С одной стороны, это отрицательная оценка героем-повествователем своего поведения и поступков, что особенно ярко проявляется в номинациях, связанных с семантикой насилия. С другой стороны, существует ряд номинаций, связанных с семантикой страдания, здесь оценка проявляется в чувстве жалости, которое герой испытывает к самому себе, поскольку он не только приносит страдания, но и сам страдает.

Список литературы

1. *Камалетдинова Е.Т.* Номинации главного героя в романе В. Набокова «Лолита» // Текст в лингводидактическом аспекте. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 143—148.
2. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
3. *Словарь* русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1983. Т. 2.

Н. Малинина
(Кассино, Италия)

Рассказ Ю. Буйды «Степа Марат» в контексте русской литературы

Рассматриваются разноплановые текстовые меты интертекстуальных связей рассказа Ю. Буйды «Степа Марат» с произведениями Н.В. Гоголя, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова, С.В. Михалкова.

Действие рассказа «Степа Марат» происходит в неблагоустроенной провинции, вдали от столичных городов. Как отмечает Т. Ирмияева, «структурный центр <...> рассказов Ю. Буйды — это городок, поселок городского типа, некое поселение с поселенцами, административно- хозяйственная единица государства, почти не различимая на карте» [1].

Степа, «получивший прозвище из-за службы на легендарном линкоре», наводит нас на одного из героев Сергея Михалкова, всеми любимого дядю Степу, «бывшего флотского старшину» Балтфлота, служившего на линкоре «Марат». Между двумя Степами существует определенная преемственность: и тот и другой, с легкой иронией представляющие большой набор абсолютных, почти идеальных качеств, гуманны, обладают высокими человеческими качествами, стоят на страже этических принципов. Степа С. Михалкова рассказывает

Про войну и про бомбежку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград [2, с. 19]

Он готов идти «в огонь и воду» на помощь тем, кто попал в беду: спасает тонущего ученика, выпускает на волю из охваченного пожаром дома восемнадцать голубей и одного воробья, выручает постового милиционера, возвращает потерявшегося малыша маме и т.д.

Степа Ю. Буйды не уступает своему знаменитому тезке в проявлении не бытового, а поистине героического характера: безногий калека встает на защиту жены, а до этого, рискуя собственной жизнью, спасает ее (тогда еще просто незнакомую женщину) от смерти, не боится взять в жены пьяницу, усыновляет двоих детдомовских детей.

Степа имеет черту редкого достоинства: всегда, независимо от обстоятельств, он остается самим собой, таким, какой он есть на самом деле. Безногий, он продолжает органичную, самобытную жизнь, соединяя в себе черты национального характера простого человека. Примечательно, что и дядя Степа так долго жил и по сей день живет в литературе, потому что в нем представлены черты национального характера. Оба Степы не теряют связи с историко-культурной сферой русской литературы.

Кочегар бумажной фабрики на первый взгляд вряд ли чем-либо отличается от представителей своего социального круга, если, конечно, не принимать во внимание его экстраординарные человеческие качества. Степины поступки характеризуют его как человека простого, раскованного и бесшабашного: «Выпивал он редко, но с размахом. На спор с пяти шагов струей мочи попадал точно в горлышко пивной бутылки, наполняя ее доверху в два приема, выждав отстоя пены. После третьего стакана водки свистом останавливал птицу в полете и гасил спичку выстрелом из "кормового орудия". Других талантов за ним не замечалось».

Степа любит выпить, что отнюдь не значит, что он алкоголик. У А.П. Чехова в «Дяде Ване» Елена Андреевна говорит об одном из героев: «Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким» [3, с. 307].

Степа следует казацкому закону «кони сыты, бабы биты — это порядок», что сопоставимо с линией украинских казаков, героев «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя и «Тихого Дона» М.А. Шолохова. Степина внешность дает нам представление об этаком богатыре: он был «рослый и чубатый детина». Детина — слово традиционно-народного стиля, что касается эпитета чубатый, то одно из значений слова чуб имеет непосредственное отношение к истории казачества: «В старину у запорожцев и украинских казаков: длинная прядь волос, оставленная на бритом темени; оселедец» [4]. Правила казацкого бытия таковы, что казак всю жизнь на коне, главная его забота — о лошади, а не о женщине.

«Козак не на то, чтобы возиться с бабами», — вторит этому Тарас Бульба, который оскорбляет, а то и бьет свою жену: «Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху», «в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы». И в «Тихом Доне» Степан бьет Аксинью, в то время как Григорий, хотя и не поднимает руки на Наталью, все же относится к ней без особого уважения.

Степин призыв «Гони самогон к свадьбе — гульнем» может быть воспринят двояко, поскольку многозначный глагол «гнать» в данном контексте означает «добывать, изготовлять перегонкой» и, кроме того, разговорно-сниженное «давать, предоставлять», употребляющееся обычно в повелительном наклонении.

Несмотря на то, что в тексте отсутствуют конкретные временные отсылки, действие рассказа происходит, по всей вероятности, в советские времена. В Советском Союзе самогоно-

варение считалось одним из хозяйственных преступлений, преследовавшихся по закону[1].

Степин, казалось бы, безобидный ответ «до свадьбы заживет» оказывается еще и оригинальным каламбуром: помимо популярной фразеологической единицы с шутливым оттенком, это выражение, вопреки ожиданиям Наты, несет в себе и самое непосредственное прямое значение. И в самом деле, выписавшись из больницы, Степа первым делом предъявляет на Нату права мужа. После свадьбы калеки с пьяницей, на первый взгляд, ничего не изменилось: Ната все также напивалась, а однажды умудрилась оставить мужа на ночь на берегу реки. При более внимательном прочтении усматривается благотворное влияние Степы, в результате которого происходит постепенное духовное перерождение женщины.

На фоне такого бытописания ярче проявляются экстраординарные поступки героя, его характер. Степа — романтик, он замирает от восторга, любуясь природой. «На одних руках» Степа вскапывает огород. По отношению к приемным сыновьям он «самый настоящий римский папа», что из уст Буянихи звучит с едва скрытым восхищением, как комплимент: римский папа — фигура идеальная, недосягаемая, наподобие бога и царя. Степа обнаруживает в себе способность поднимать солнце вручную, тем самым помогая «яркому диску как можно скорее занять свое место на небе». А однажды ему удается «подержать солнце на месте, чтобы она [Ната] до темноты успела управиться со штопкой».

Таким образом, в рассказе находят место элементы эпоса и народного сказания. Солнце, ветер и луна обычно помогают

[1] В соответствии со статьей 158 УК РСФСР изготовление или хранение *без цели сбыта* крепких спиртных напитков домашней выработки (в том числе самогона, браги и т. д.) наказывалось лишением свободы на срок до 1 года или исправительными работами на тот же срок, либо штрафом; те же действия, совершенные повторно или *с целью сбыта*, подвергались более суровым мерам наказания (http://encycl.yandex.ru). (Курсив мой. — *Н.М.*)

героям сказок и былин бороться со злыми силами и побеждать их. Это присуще не только эпосу, но и самой русской литературе. В «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче» поэт от первого лица обращается к солнцу со словами: «Дармоед! / занежен в облака ты, / а тут — не знай ни зим, ни лет, / сиди, рисуй плакаты!». Он предлагает дневному светилу прийти к нему в гости, и солнце охотно принимает приглашение: «Болтали так до темноты — / до бывшей ночи то есть. / Какая тьма уж тут? / На "ты" / мы с ним, совсем освоясь. / И скоро, / дружбы не тая, / бью по плечу его я. / А солнце тоже: / "Ты да я, / нас, товарищ, двое!.." [...] Светить всегда, / светить везде, / до дней последних донца, / светить — / и никаких гвоздей! / Вот лозунг мой — / и солнца!» [5, с 35—38].

Народно-фольклорные сложения-отступления в виде частушек придают рассказу яркость и динамичность, они тем более задорны, что исходят из уст такого неунывающего и несомненно яркого человека, каким является Степа.

С той же светлою душой
Я стою перед тобой!

Следующий куплет, ввиду определенной доли автобиографичности, вполне мог бы быть придуман самим Степой:

Хорошо тому живется,
У кого одна нога:
И яйцо одно не трется,
И не надо сапога!

Эмоционально окрашенные выражения Степы присущи языку представителей низкой социальной группы. Его угроза: «...я бью всего два раза: второй — по крышке гроба» настолько убедительна, что «ее хватило бы гробов на пять. А может, и на десять». Это выражение повторяется в несколько измененной форме в конце рассказа, когда речь идет о здоровье Степы, которого «хватило бы на пять больниц. Или даже на десять».

Помимо частушек, в тексте встречаются и другие народно-фольклорные элементы, иногда в бытовом контексте. Так, полистав школьные учебники сыновей, Степа изрекает: «Флора, фауна, родные просторы... У нас вместо этого — квадратные метры да огород с кротами и родиной-смородиной».

Родные просторы — «несвободное» словосочетание, с оттенком патетичности и иронии. В СССР так (или несколько иначе: ср. распространенный вариант «На просторах Родины») могла называться радио- или телепередача о стране, ее земле, людях, в то время как песня М. Блантера на стихи А. Суркова начиналась словами «На просторах Родины чудесной...» [6].

Упоминание о квадратных метрах в подобном контексте не случайно. В советские времена одним из животрепещущих был квартирный (или жилищный) вопрос, именуемый в обиходе «квадратными метрами». Согласно жилищному законодательству каждый советский гражданин имел право на 8 квадратных метров государственного жилья или на 12 квадратных метров не всем доступного кооперативного. В действительности эти нормы не соблюдались в пользу простых смертных: нередко на малюсеньком пространстве вынуждены были ютиться два-три поколения одной семьи, что порой не только не соответствовало элементарным санитарным правилам, но и приводило к росту преступности на бытовой почве.

«Огород с кротами», в сочетании с прочими реалиями советской эпохи, отводит нас к основным вредителям грядок, кротам, на которых огородники и по сей день расставляют кротоловки.

«Степа Марат» — произведение эстетическое, по праву относящееся к художественной литературе. В нем дан широкий срез не литературного, а национального языка. Основной состав словаря — это бытовая, разговорная лексика, с элементами разговорно-сниженного стиля. Герой рассказа — носитель прекрасных человеческих качеств, не получивший возможности развиться.

Конец рассказа, когда Степа радуется приходу весны и поднимает солнце вручную, вовсе не оказывается неожиданным. В нем нет натяжки именно потому, что фоновый ореол, коннотации оказывают органичное и гармоничное воздействие на его завершение. Несмотря на то, что раньше имела место натуралистичность, а порой и грубость, преобладающей все же оказывается позитивная связь с русской литературой.

«Степа Марат» — рассказ сегодняшнего дня, тем не менее он не выбивается из русской традиции, что вообще характерно для русской литературы.

В рассказе раскрывается не только бытовая сторона жизни, но и мироведческая, то, как люди видят жизнь с ее непридуманными элементами, а также реальность человеческого бытия в условиях этой жизни. При этом автор ищет характерные детали по принципу: вижу целое по отдельной детали.

Художественные приемы Ю. Буйды разнообразны. Это и ирония, на фоне которой все воспринимается проще: безногий инвалид, можно сказать, обреченное состояние — горе, беда, трагедия; бедность и нищета — 10 лет носил сапоги, теперь не будет заботы о новых сапогах. С помощью детали дается описание жизни человека, семьи, общества, происходит опредмечивание мира: читатель представляет себе то, о чем думает писатель.

Деталь выстраивается в мотив, без уточнений, с экономными эпитетами, формирует целостный образ. Литература метонимична (Р. Якобсон), в том числе благодаря детали.

Список литературы

1. *Ирмияева Т.* Прусская невеста: http://www./russ./ru/journal/kniga/98—12—28/irmyi.htm

2. *Михалков С.В.* Дядя Степа. М.: Самовар, 1990.

3. *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. Т. 9.

4. *Большой* толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 1998.

5. *Маяковский В.В.* ПСС: В 13 т. М.: Художественная литература, 1956. Т. 2.

6. *Толковый* словарь языка совдепии. СПбГУ: Фолио-пресс, 1998.